

# Парадоксальное западничество Глеба Павловского

БОРИС МЕЖУЕВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ),  
Россия, borismezhuev@yandex.ru.

**КАЖДЫЙ** выдающийся человек представляет собой живой парадокс. Каждый исторический человек есть отражение парадоксальности своего времени. Он не просто запечатлевает в себе, но также изживает противоречия своей эпохи. Глеб Павловский был, без сомнения, человеком выдающимся, смог ли он разрешить исторические противоречия и конфликты, об этом и поговорим в настоящей статье.

В чем состоял главный парадокс Павловского? На мой взгляд, в следующем. Как человек, настолько маргинальный и по судьбе, и по образу мышления, и в плане политической позиции — всегда сугубо индивидуальной и своеобразной — смог на какой-то момент стать тем, кого злые языки называли «политтехнологом всей Руси», как он смог занять центральное место в идеологическом штабе российской власти и потом, до конца дней, оставаться одной из самых заметных фигур в общественном пространстве? Проблема была даже не в диссидентском прошлом и не в эпизодах биографии, связанных с тюремным опытом: в конце концов, в других странах такой опыт служил трамплином к гораздо более головокружительным карьерам. Проблема была в ином. Почти невозможно себе представить читателю «Поисков» и «Века XX и мира», что редактор и составитель таких изданий станет человеком, причастным транзиту власти и выбору лидера страны. Что человек с таким в общем-то темным, почти эзотерическим стилем письма способен составлять аналитические записки с обсуждением планов ведения избирательной кампании, что публицист, с настолько нетипичной для всех сегментов общественной мысли своего времени позицией, может когда-либо сыграть роль «главного идеолога».

Павловский конца 1980-х — начала 1990-х годов — это вождь небольшой группы единомышленников — людей, причастных к развитию новых медиапроектов, но оторванных от всех главных течений тогдашней политики: демократов, ельцинистов, коммунистов,

национал-патриотов. К началу 2000-х Павловский — это самый влиятельный отечественный интеллектуал, законодатель всех главных идейных мод, владелец самых востребованных интернет-ресурсов, образец для подражания для целого поколения и вероятный прототип его главного литературного протагониста. Прямая от Павловского — идейного маргинала перестройки, оплакивающего все ее несбывшиеся надежды, к Павловскому — герою нашего времени и герою *Generation P* — не прочерчивается. Ответ не может свестись лишь к удачной смене сферы деятельности — из журналиста в политтехнолога, и столь же радикальной смене политической позиции — от критики Ельцина к лояльному сотрудничеству с его командой. Парадокс Павловского как раз не в измене себе, а в том, что он остался верным журналистскому призванию и не взял обратно большинство своих суждений образца 1991–1993 годов. Этот парадокс, эта тайна судьбы требуют своего объяснения.

## Павловский — политический писатель

Ко всему этому добавляется и еще одна загадка. На протяжении большей части своей деятельности Павловский практически не писал книг и категорически возражал на все предложения написать его биографию (при его, разумеется, содействии). Не любил он в чистом виде и мемуарный жанр. Но с какого-то времени — вероятно, с 2012 года, то есть за десять лет до смерти — почти каждый год Павловский публикует по одной, а то и по паре книг. Книжки четко делятся на два сегмента: с одной стороны, это записи диалогов с учителем Павловского — историком Михаилом Гефтером, с другой — работы о политическом и социальном строе в путинской России, который автор называет кратко Системой РФ. К первой серии книг относятся: «1993: элементы советского опыта» (2013), «Третьего тысячелетия не будет» (2015), «Неостановленная революция» (2017) и, наконец, финальные «Слабые. Заговор альтернативы» (2021). Книжки, посвященные Системе РФ, выходят в виде небольших брошюр: вначале появляется «Гениальная власть» (2012), затем — маленькая книжица «Система РФ в войне 2014 года. *De Principatu Debili*» (2014) и сразу вслед за ней не сильно превышающая ее по объему «Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод *George F. Kennan*» (2015). В 2019 году Павловский обобщил итоги своего включенного описания постсоветской России в более объемной монографии «Ироническая империя». Спустя год после выхода книга получила премию Александра Пятигорского за лучший бестселлер в области нон-фикшена.

Вообще, все книги Павловского встречали на редкость теплый прием коллег и товарищей и получали хорошую прессу. Однако, я подозреваю, это не очень радовало автора, который прекрасно понимал, что отсутствие жесткой критики и стандартный набор добрых слов с обязательными сопоставлениями с великими современниками выдают некоторое равнодушие к самому тексту. Павловского искренне любили как человека, его уважали как эксперта, к его оценкам всегда прислушивались, а как общественный деятель он никого не оставлял равнодушным. Но, признаемся, к его книгам отношение публики было снисходительно-недоуменное, ну как к хобби великого человека, как к занятиям Розанова нумизматикой или же интересу Набокова к бабочкам. Это легко можно подтвердить ссылкой на довольно обширную статью о Павловском в Википедии, в которой нет даже строчки о его книгах. Изгибы непростой биографии знаменитого политехнолога интересуют многих, все аспекты его отношения к Путину и другим политикам его времени обсуждаются постоянно, но почти никто не ищет разгадку судьбы Павловского, причины его опалы и даже основания тех или иных его конкретных оценок происходящего ни в диалогах с Гефтером, ни даже в анализе Системы РФ.

Но, разгадывая парадокс Павловского, следует задать себе вопрос: в силу каких причин он в последнее десятилетие своей жизни решил столь интенсивно писать, причем в основном на одну тему — о своем опыте сотрудничества с властью, о причинах этого сотрудничества и его итогах? Жанр диалогов с Гефтером не должен обманывать: по крайней мере, первая и последняя из книг этой серии — не только отражение мыслей и слов историка, но прежде всего фиксация момента его расхождения со своим знаменитым учеником. После 1993 года учитель отошел от власти в значительной степени под влиянием ученика, а ученик впоследствии с властью сблизился, и без всякого одобрения учителя. Павловский постоянно размышляет о том, оказался ли он прав в том выборе, следовало ли ему послушать совета Гефтера и держаться, условно говоря, демократической оппозиции, стараясь предотвратить постепенную трансформацию ельцинизма в Систему РФ.

На самом деле и книги о Системе РФ — они ровно о том же самом выборе, поскольку, как много раз отмечает сам автор, эта Система смогла выжить, лишь взяв на вооружение ту технологию идейного опережения, которой российскую власть одарили Павловский, ФЭП и вся команда Администрации Президента, реализовавшая судьбоносный транзит 1999 года. Если бы ельцинская власть действовала по старинке, ее поглотила бы ресурсная бюро-

кратия, эта власть провалилась бы в зияющее пространство между Сосковцом и Лужковым, между военно-промышленным комплексом и крепкими хозяйственниками, и рано или поздно передала бы бразды правления коммунистическим реваншистам. Однако «гениальная власть» начала задавать политическую повестку самостоятельно, используя для этого не только социологические рейтинги и рекомендации силовых органов, но также креативные наработки выдающихся интеллектуалов, кого выискивал в блогосфере и приближал к трону Фонд эффективной политики. Поэтому власть всегда казалась более интересной, более умной и более отважной, чем обслуживающая ее бюрократия, которая вынуждена была встраиваться в чужую повестку. И тем самым эта власть раз за разом обыгрывала коммунистов, которые на любых выборах оставались вечно вторыми.

Но Павловский постоянно задает себе вопрос, был ли он лично прав в том, что отказался от позиции отстраненного от власти неподкупного интеллигента — маргинала (пускай и суперкреативного) и принял посильное участие в создании Системы РФ, будущий кризис и последующий упадок которой он с печалью предсказал в «Иронической империи». Я думаю, он сам знал ответ на свой вопрос. Хотя его книги полны признаний в правоте учителя, предостерегавшего автора от ошибки «хождения во власть», а последняя — «Слабые» — самим автором в предисловии названа «саморазоблачением», его оговорки не могут обмануть проницательного читателя: разумеется, весь этот ряд трудов представляет собой не что иное, как развернутую самоапологию, как обоснование правильности собственного пути, как утверждение того, что иначе поступить было невозможно. И главный вывод всех последних книг Павловского, что та самая выстроенная наспех Система РФ при всех ее чудовищных проявлениях — лучшее, что могло возникнуть на Севере Евразии после поражения коммунизма и распада СССР. Поэтому защита этой Системы (в том числе и в первую очередь от ее собственных руководителей) остается единственно правильным политическим поступком в нынешнее, кризисное для этой Системы время.

## **Истоки социального оптимизма**

Павловский несколько раз в интервью (в том числе и автору этих строк) рассказывал о том, на каких книгах и каких идеях он был воспитан, как он пришел к диссидентству и при каких обстоятельствах вступил на путь независимой публицистики. Может быть, самое удивительное в этих рассказах и воспоминаниях — практи-

чески полное отсутствие упоминаний об ужасах и мерзостях советской жизни. Павловский всегда обходит тему недостатков общественного строя или каких-то темных сторон господствующей идеологии, которые в свое время могли броситься в глаза молодому историку. Все это, наверное, было, но все это в его ретроспективном восприятии отступает на второй план.

Говорит Павловский постоянно о другом — о том, как он варился в юности в кругу очень распространенных на рубеже 1960–1970-х годов идей, связанных с молодым Марксом, Вернадским и ранними Стругацкими. С тогдашними единомышленниками его объединяла вера в грядущую «революцию духа», идущую на смену волнам социальных революций. Передовым отрядом этой новой революции, как обещали Стругацкие и другие лучшие писатели того времени, станет научно-техническая и в целом творческая интеллигенция, которая вдохнет новые силы, придаст новую динамику впадающему в маразм советскому проекту. Пик и апогей этих надежд, момент расцвета этого искреннего социального оптимизма приходится даже не на хрущевскую оттепель, а на самое начало последующего периода, примерно на 1964–1972 годы. Сам Павловский называл именно 1972 год временем окончательного разочарования интеллигенции в брежневском СССР, но, конечно, свою роль в этом разочаровании сыграли и точечные репрессии против первых инакомыслящих, и особенно финал Пражской весны 1968 года. Но в самом деле зачистка диссидентской Москвы перед началом «разрядки», процесс Якира-Красина с публичным покаянием основных фигурантов, гонения на независимых философов-марксистов, включая еще одного учителя Павловского — Генриха Батищева, — эти события стали рубежом, за которым представителям интеллектуального класса открывались только две альтернативы: либо отказ от политики во имя чисто культурной деятельности (выбор Мамардашвили, Аверинцева и в том числе Батищева), либо риск оппозиционной политической активности.

Как и многие другие люди, впитавшие в себя дух этого короткого — предпражского — периода нашей интеллектуальной весны, Павловский не считал, что советский строй как таковой не совместим с предсказанной его любимыми Стругацкими в одном из текстов 1960-х годов «революцией духа». Напротив, именно советский строй в силу неотделимой от него марксистской идейности делает эту «революцию» неизбежной, и она рано или поздно состоится, как бы ни хотела задержать данное событие косная номенклатура, по своей природе враждебная любым революциям. Однако неизбежность перемен не означает, что надо пассивно ждать пост-

индустриального перерождения развитого социализма, полагаясь на естественный процесс технологического развития.

Павловский вполне позитивно относился к солженицынской «Образованщине», и его, как и самого писателя, не устраивала ни перспектива возвращения в класс интеллектуальных мандаринов, покупающих себе относительную творческую свободу за счет лояльности, ни встраивание в систему с целью ее постепенного улучшения. К этому варианту звали именно Стругацкие, точнее их герой — Рудольф Сикорски — в финале «Обитаемого острова» (Павловский много раз говорил, что внутренне расстался со Стругацкими как раз после этой повести). И когда он столкнулся с этим непростым выбором, важнейшую роль в его жизни стал играть Гефтер — московский историк, также жертва антиинтеллигентских гонений начала 1970-х годов. Гефтер считал, что вывести Советский Союз из состояния бюрократического анабиоза может, по его выражению, «мыслящее движение» — независимое от власти объединение интеллектуального класса, способное предъявить ей какой-то конкретный проект изменений. Участники этого движения рисковали бы карьерой и свободой, но при любом очередном повороте руля именно эти герои интеллектуального сопротивления имели бы моральное право возглавить оппозицию и вырвать политическое лидерство из рук бюрократии.

Все эти рассуждения основывались на представлении о неизбежности наступления постиндустриального общества: эта идея имела на самом деле много различных версий, включая и такую глубоко советскую, как концепция ноосферы Вернадского. Согласно этой концепции, оба общества — и западное, и советское — в силу качественного скачка производительных сил должны были выйти на новый уровень развития, на котором авангардную роль начал бы играть интеллектуальный класс, то есть ученые, инженеры, преподаватели — люди, ориентированные на познание и творчество. Но, вероятно, из всех независимых марксистов того времени именно Гефтер придавал этой идее недостающий ей этический компонент: он считал, что сам собой этот скачок не произойдет, интеллектуальный класс должен породить политического субъекта, то самое «мыслящее движение» (понятие, отсылающее к «мыслящему пролетариату» Писарева, но по смыслу восходившее, скорее, к «новым людям» Чернышевского). Иначе говоря, согласно Гефтеру, оттепель конца 1960-х годов обязательно повторится вновь, но если к моменту ее наступления «мыслящего движения» с авторитетными для всего народа фигурами не сформируется, рано или поздно все опять завершится очередным бюрократическим «застоем».

Политический активизм Павловского, равно как и его социальный оптимизм, выросли из этой, на самом деле, нетривиальной идеи «мыслящего движения», в которой было также заметно влияние русского народничества в духе Петра Лаврова — еще одного любимого автора Павловского. В некоторой степени его взгляд на общество — это взгляд русского народника, убежденно-го, что сама матрица советского общества работает на прогресс.

## **Система РФ: постскрипtum к либеральной империи**

К сожалению, в моем знании текстов Глеба Павловского есть одно белое пятно — я не очень знаю ту их часть, что была написана до перестройки. Заполнить это «белое пятно» несложно и когда-нибудь это придется сделать — все восемь номеров журнала «Поиски» есть в сети, и почти в каждом из них встречаются статьи Павловского — либо под его собственной фамилией, либо под псевдонимом П. Прыжов, от которого он впоследствии отказался. Было бы интересно войти в контекст эпохи последних десятилетий СССР, чтобы понять, какую стратегию действий предлагал Павловский, куда он звал диссидентство и в чем усматривал шансы внутреннего сопротивления. Наверное, этому сюжету имеет смысл посвятить отдельную статью.

Между тем, вернувшись из ссылки в начале перестройки и оказавшись в Москве в 1986 году, Павловский очень быстро становится вождем неформалов и участником целого ряда интереснейших медиапроектов, среди которых я хорошо запомнил один — журнал «Век XX и мир». Впервые я увидел имя Глеба Павловского на страницах именно этого журнала осенью 1990 года. В этом тонком ежемесячнике, издаваемом Комитетом защиты мира, в начале 1990-х годов обосновывалось представление, что либерализм на евразийском пространстве возможен лишь в условиях сохранения обновленного СССР. Если Союз распадется, и на его месте возникнет десяток автократических режимов, включая российский, что приведет к краху всех усилий по вестернизации полуазиатского пространства. Поэтому, делали вывод Павловский и его единомышленники, СССР надо спасать в том числе от тех, кто хочет его распада для продвижения дела демократии и либерализма. Сейчас все это звучит почти как аксиома — тогда пахло близостью к условному «Алкснису» и, соответственно, отчуждением от либеральной среды.

Отметим еще один важный момент — отношение Павловского и его учителя Гефтера к Западу. Думаю, что оно определилось где-то в это время, в период горбачевской перестройки, и с того мо-

мента если и менялось, то по причинам тактического, а не стратегического свойства. Несомненно, что они оба были западниками. Очевидно, что оба считали Россию европейской страной, и перспектива ухода России из Европы не представлялась им ни желательной, ни возможной. Если говорить конкретно о Павловском, то, думаю, Запад он ценил за внимание к «слабости», за толерантность ко всему, что не связано с грубой силой и за повышенную чувствительность к человеческому страданию. Парадоксальность западничества Павловского состояла в том, что он (опять же вслед за Гефтером) полагал, что эти качества Запад приобрел далеко не сразу, не полностью и в немалой степени — благодаря Советскому Союзу. Если бы у левой интеллигенции Европы не было союзника в лице антифашистской империи СССР, и если бы СССР отступил окончательно от своего антифашизма (а такой вариант, безусловно, просматривался в выборе 1939 года), то фашизации Европы никто и ничто не смог бы эффективно противостоять внутри нее самой. В условиях еще не произведенной деколонизации расизм был самой логичной социальной идеологией, и он несомненно восторжествовал бы после падения конкретно гитлеровской Германией... в том случае, если бы западный мир не столкнулся с коммунистическим вызовом.

Логика либеральной империи в каком-то смысле была разворотом в обратную сторону той же концепции «парадоксального западничества». Горбачевско-бушевский союз двух либеральных империй служил залогом сохранения миропорядка на основаниях, противоположных культу силы и расовой исключительности. Распад ялтинской системы или, как писал Гефтер, конец холодной войны — неминуемый срыв в сторону победы «человека грубого» над человеком разумным, условного Джека над условным Ральфом, если брать хрестоматийные образы из «Повелителя мух» Голдинга. Так все это в конце концов и случилось, оправдывая худшие опасения Павловского, но случилось не сразу, и наступлению совсем уж «темных дней» предшествовали несколько десятилетий существования Системы РФ, этой хитрой попытки избежать наказания за 1991 год, оттянуть время перед неизбежной расплатой за грехи слишком легкого разрушения либеральной империи.

Павловский, насколько мне известно, не верил в российское гражданское общество. Он и здесь ориентировался на Гефтера с его концепцией «социума власти», согласно которой никакой серьезной альтернативы власти вне власти в российском обществе нет и быть не может. А это подразумевало, что «мыслящее движение», политически активный слой интеллектуального класса, должен найти место внутри «социума власти». Гефтер предполагал, что



«мыслящему движению» следует взять на вооружение идею конфедерации российских земель, которую оно могло бы представить как очередной проект реформирования всего человечества. В этом было что-то эсеровское — добиться мирового признания России за счет создания самого свободного общества на Земле. Как в марте 1917 года, когда самая авторитарная европейская империя за несколько дней стала самой свободной республикой. Ельцин на какой-то момент, вероятно, показался Гефтеру новым Керенским, дающим всем российским землям «столько суверенитета, сколько они могли бы проглотить». Павловский был гораздо более скептичен ко всем попыткам сборки земель снизу и, несмотря на то, что в «Слабых» он описывает проект своего учителя с полным сочувствием, едва ли можно сомневаться, что под этим проектом он сам бы не подписался. Он выбрал другой путь — путь создания Системы РФ — политической системы с небюрократическим модулем управления, Системы, принципиально зависимой от сотрудничества с интеллектуальным классом.

Через всю «Ироническую империю» лейтмотивом проходит одна мысль: путинская Россия — это не возрожденный СССР, не рудимент СССР, даже не наследница СССР. В СССР «повторение» перестройки, или оттепели, было бы предопределено, как оказалась предсказуема и сама перестройка. В постсоветской России никакой новой перестройки не случится, на нее не следует делать ставку и ее не нужно опасаться. В чем была причина неизбежности перестройки, почему ее все ждали и почему все были уверены, что она случится? Почему СССР уверенно дрейфовал от антифашистской империи 1930-х годов к либеральной империи начала 1990-х, и почему в ходе этого дрейфа интеллигенцию периодически приглашали поучаствовать в управлении? Потому что СССР был создан наследниками «мыслящего движения» XIX века, и у бюрократии просто не было иного языка утверждения собственной легитимности, помимо того, что она заимствовала в среде критически мыслящей интеллигенции. К этому следует добавить указание на международную роль СССР и необходимость не потерять контакт с левой мыслью всего мира. Система РФ от всего этого оказалась избавлена, но в том-то и дело, что не совсем и не вполне.

Прежде всего Система РФ выросла из «эпохи имитации» (термин Павловский заимствовал у своего друга, болгарского политолога Ивана Крастева), когда все постсоциалистические режимы, возникшие после распада советского блока, пытались усваивать черты успешных западных демократий. Однако в основе этих имитаций лежала одна надежда — что обретшая все черты либеральной

демократии страна будет принята в элитное сообщество государств Запада, то есть в ЕС, НАТО, а элита этих стран войдет в закрытый клуб западных элит. России же очень рано дали понять, что ни в ЕС, ни в НАТО ее не возьмут, а это значит, что и все двери во все закрытые клубы рано или поздно перед представителями нашей элиты захлопнутся. В «Иронической империи» Павловский писал:

В отличие от любой из стран посткоммунизма, РФ не обещали присоединения к Западу. Зато предоставили бонус советских трофеев, с округлением частью трофеев антисоветских. <...> Не оспаривая западный эталон, Россия не имела контролера — в ней не видели кандидата на вступление в Евросоюз...

Для Системы РФ это означало роковую проблему — со времен злополучного 1993 года она оправдывала все свои внеправовые действия необходимостью вестернизации, но цель этой вестернизации — интеграция с Западом — оказывалась фрустрированной с самого начала. Субъектом этой «остаточной» вестернизации оставался интеллектуальный класс, в основном московский и петербургский, которому Запад оказывался нужен не столько как «закрытый» клуб элит, сколько в качестве оберега от силовых репрессий. Однако Система РФ также не могла полностью оторваться от Запада, который служил ей источником гигантских прибылей и образцом поведения во многих вопросах. В итоге сложилась гибридная система, по-прежнему работающая в режиме имитации, однако, неуклонно доказывающая себе и всему миру свой собственный суверенитет.

По важному наблюдению Павловского, эта система не может не порождать моменты эскалации, поскольку она работает в режиме импровизации. Она боится утратить замеряемую рейтингами поддержку населения, но всякий раз завоевывать эту поддержку она готовится какими-то импровизационными решениями. Это чем-то напоминает брак, в котором романтическая стадия отношений никогда не переходит в стадию взаимного уважения, и супруги каждый раз должны завоевывать сердце своих партнеров яркими чудачествами. Ясно, что в «Иронической империи» Глеб писал в первую очередь о крымской импровизации, но, более интересно, что уже в 2019 году он предрекал системе некую Большую эскалацию (Б-эскалацию), которую она, скорее всего, уже не переживет:

Идея Б-эскалации остается призраком, прямо не разрабатываемым. Но, возможно, именно она станет для Системы финальным решением. <...> В Б-эскалации все блоки Системы активизируются. Даже уклад Большой коррупции проникнется высоким па-

триотизмом. Это и есть гипермобилизация Системы. Призрак ее бродит стимулирующим Систему гормоном, но его не пускают в ход. Б-эскалация Системы — эскалация отчаяния. По-видимому, она возможна для нее лишь однажды, напоследок.

Но вернемся к ранее сказанному: в Системе РФ новая перестройка не только не гарантирована, но и едва ли возможна. В ней нет управляющего модуля под названием идеология, и она не имеет ни малейшего основания обращаться к интеллектуальному классу, к любым формам его «мыслящих движений» для обеспечения внутренней и внешней легитимности. Однако в этих импровизационных рывках, в этом желании опередить время, выскочить из бюрократической рутины и пережить романтику первой политической любви, Система невольно создает видимости, симулякры либерализаций, которые сменяются, правда, симулякрами тотальных мобилизаций. Но для производства и тех, и других симулякров — «крымских весен», «русских весен», «володинских весен» — ей все-таки нужен креативный политический класс, черпаемый из интеллектуалов. Иными словами, Системе оказываются нужны не только такие фигуры, как Кудрин, но и такие, как Сурков, да и сам Павловский. Ей нужно «Поколение Р», и в этой зависимости от своего иного, от класса интеллектуалов — главный залог спасения как самой Системы, так и этого класса, обреченного в условиях приближающегося фиаско глобализации едва ли не на физическое уничтожение.

Конечно, Павловский хотел, чтобы этот самый прозападный креативный класс обеих столиц обрел в условиях Системы РФ какое-то политическое лицо, чтобы он смог стать политической силой, способной при случае сказать «нет» нашим Джекам с погонями и без. Этим объяснялась его ставка в 2009–2011 годах на второй срок Дмитрия Медведева. Но здесь не получилось: «креативный класс» выступил на Болотной против возвращения Путина, и Глеб посчитал, что он сам обязан присоединиться к этому протесту. Мне лично он говорил, что не надеется ни на какую победу этого протеста, и его цель на самом деле состоит в том, чтобы Путин и Медведев вместе пошли на выборы. Затем на этих выборах Медведев закономерно проиграл, после чего возглавил бы либеральное меньшинство России, не правящее, но, тем не менее, влиятельное и организационно оформленное.

К 2014 году власть смогла, как считал Павловский, решить все проблемы с любовью населения одной гениальной импровизацией — присоединением Крыма. Как я уже сказал, в «Иронической

империи» Павловский предсказывал, что эта импровизация повторится, но она будет намного более радикальной и вместе с тем радикально упрощающей по своей природе. Указание на тенденцию к упрощению совершенно точная, в том же 2019 году я удивлялся: Россия и Китай — глобальные союзники, но в рамках, скажем, Арктической системы они вынуждены играть роль антагонистов, тогда как Канада — противник России в украинском конфликте — оказывается ее парадоксальным союзником в Арктике. Возникает огромный соблазн — одним радикальным движением снять эту двойственность и упростить ситуацию до простых знаменателей: «друг» и «враг». Система РФ вообще имеет эту склонность к простоте, которая, согласно Павловскому, и есть самая уязвимая ее черта, не объясняемая только психологическими характеристиками ее властителей. Не допустить гибели Системы в прокрустовом ложе «вторичного упрощения» — вот задача позднего Павловского, та задача, которую он упорно хотел разрешить в последний, трагический год его жизни, начавшийся не календарно 24 февраля и оборвавшийся в Прощеное воскресенье 26 февраля 2023 года.

## Одинокий «миротворец»

В 2021 году в предисловии к «Слабым» Павловский, воображая свой разговор с умершим другом, дает понять читателю, что эта книга станет последней в его творчестве. Друг, основатель «Мемориала» Арсений Рогинский, в какой-то давней беседе «ошарашил» автора неожиданным вопросом: «Не хватит ли книг, Глеб? Старику уже довольно, подумай лучше о том, где поставить точку». Мысленно отвечая покойному приятелю, Павловский торжественно заявляет: «Вот моя точка, Сеня». Так и оказалось. «Слабые» стали последней его книгой, точкой в каторжном и неблагодарном литературном конвейере. Но жизнь на этом еще не кончилась. Жизнь преподносила еще одно испытание — испытание новым одиночеством.

Павловский в самом деле предсказал финальную Большую эскалацию описанной им Системы, более того, он сравнил ее с игрой в русскую рулетку, констатируя, что на этот раз судьба не подарит игрокам холостой выстрел. С другой стороны, с конца 2021 года в его публичных выступлениях появляется новый мотив — неизбежность силовой политики, политики военного шантажа и блефа. Он несколько раз высказывает мнение, что, угрожая Западу силой, Россия сможет получить от него нужные гарантии безопасности. Либеральные собеседники Павловского на «Эхе» выслушивают данные суждения довольно безучастно: в серьезный конфликт ни-

кто еще не верит. Рубеж 2021–2022 годов вообще странное время политического затишья, когда постоянные предупреждения американцев по поводу грядущего вторжения наталкиваются не только на уклончивые опровержения российских дипломатов, но также на почти полное молчание затаившегося российского либерального сообщества. По-моему, даже события в Казахстане вызвали бóльший резонанс на либеральных ресурсах, чем сообщения западных газет о военных планах Кремля. Самым резонансным событием тех дней стало антивоенное выступление генерала Ивашова с группой единомышленников, осужденное патриотами и практически замолчанное либералами.

Зловещее молчание общества после 24 февраля прорвалось двумя волнами релокации за пределами Отечества и появлением феномена антироссийского военного активизма, в духе белого активизма времен Гражданской войны. С этим новым белым активизмом Павловский разоидется категорически, причем не только, видимо, осознанным решением остаться в России даже после обострения смертельной болезни, но также отвергнув дискурс «стыда за Россию» и «поражения России ради смены режима». Я не могу уверенно сказать, что им двигало, почему он решился стать самым громким спикером так называемой партии мира, заслужив равным образом проклятия бывших друзей и вечных врагов.

Мы несколько раз общались в тот год — один раз я взял у него большое интервью, которое только частично увидело свет, и говорили мы в общем на одну тему: как добиться «перемирия» сторон и какие риски несет неконтролируемая эскалация. Тогда я вбросил термин «корейская ничья», под которым понимал возможность прекращения конфликта по образцу Корейской войны 1950–1953 годов — без мирного соглашения, при фиксации границ по линии продвижения войск. Павловский поначалу к этому варианту относился скептически, его занимала сложная история Парижского соглашения января 1973 года, завершившая Вьетнамскую войну. Он серьезно изучал мемуары Киссинджера, описавшего дипломатические усилия Америки по достижению приемлемого соглашения. Потом и он стал ссылаться сочувственно на «корейский прецедент», последние наши разговоры были очень дружелюбные, прошлые разногласия были отставлены в сторону и не обсуждались. Надо признать, общий скепсис обеих тусовок — либеральной и патриотической, двух «партий войн», как он их называл, — его, казалось, волновал мало. Перемирие в тот момент он считал еще вполне возможным, всякий раз оговариваясь, что это перемирие не принесет собой разрешение базового конфликта России и Запада.

Павловский унес с собой вопрос, смог ли бы он описать ситуацию 2022 года на языке его концепции, в терминах книг об «Иро-нической империи» и Системе РФ. По логике всего, что он делал и о чем говорил в 2022 году, пафосом этой гипотетической новой книги было бы «миротворчество» как консервативная технология самоспасения. Спасения национального, цивилизационного, но в том числе и «системного» — спасения Системы РФ. Окончательная гибель этой Системы, Павловским же и предсказанная, означала бы обнуление всего дела, которым он жил, а, значит, и последним фиаско той самой «революции духа», которой он по-своему оставался верен до конца.

Как нам в итоге смотреть на Глеба Павловского, как оценивать его жизнь, его труды, все его парадоксальное западничество? Это западничество в конце концов вполне проявило свою парадоксальность, и в лице автора Системы РФ заняло предельно критическую позицию по отношению к реальному Западу. Ибо этот Запад весной 2023 года отвернулся от русской «партии мира», заклеванной z-патриотами, и по существу предал все ее усилия оперативно погасить опаснейший конфликт мирным соглашением. Вадим Цымбурский когда-то назвал Павловского «критическим либералом», правильнее было назвать его «критическим западником» — человеком, хорошо знающим цену Западу и понимающим всю зыбкость его гуманизма и вполне реальных цивилизационных достижений. Можно назвать его и «критическим идеалистом» — человеком, которого равным образом можно было обвинить и в наивном романтизме, и в беспросветном цинизме. Он верил в «революцию духа», но был скептичен в отношении русского общества, он без розовых очков смотрел на все патриотические «русские весны», но возмущался любому сомнению в чистоте помыслов парижских бунтарей 1968 года. В целом, это был человек, искренне преданный тому поствоенному либерализму, который установился в Европе после Второй мировой войны, и он очень трезво понимал, что Европа, описанная его любимым автором Тони Джадтом в книге *Postwar*, просто не сможет существовать в условиях «мира без России». Мира, который все-таки не наступил в 1991 году, но который неизбежен после 2022 года. Павловский делал все, чтобы оттянуть наступление этого мира, но разжимающаяся пружина цивилизационной катастрофы оказалась сильнее. Теперь наша задача — продумать, как жить в этом «мире без»: без России, Европы, свободы, без Гефтера и Павловского. И как вернуть его к тому «миру миров», который всегда будет оставаться вторым Отечеством для любого русского интеллигента.